АРХИТЕКТУРА И ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО. РЕКОНСТРУКЦИЯ И РЕСТАВРАЦИЯ

УДК 728.03

K.N. Gatsunaev

К.Н. Гацунаев

ФГБОУ ВПО «МГСУ»

ДОМ НАРКОМФИНА КАК ОБЪЕКТ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Дом Наркомфина — наиболее известное произведение архитектора М.Я. Гинзбурга. Построенный в 1928—1930 гг. экспериментальный жилой комплекс вообрал в себя результаты серьезного научного анализа социальных и бытовых процессов того времени. Это позволило определить оптимальные площади помещений и целесообразные взаимосвязи между ними. Комплексы, подобные дому Наркомфина, рассматривались как основополагающие элементы нового быта. Делались попытки совмещения в одной постройке комфортных условий проживания, запоминающегося силуэта здания и выразительных интерьеров квартир.

Ключевые слова: архитектурный авангард, конструктивизм, военный коммунизм, рационализм, «пролетарская классика», объединение современных архитекторов, ассоциация новых архитекторов, НЭП.

В начале двадцать первого века теория и практика советского архитектурного авангарда вновь стала объектом пристального научного интереса. Давно и плодотворно эту проблематику исследует С.О. Хан-Магомедов. В его фундаментальных трудах «Рационализм — «формализм» [1] и «Супрематизм и архитектура (проблемы формообразо-

NARKOMFIN HOUSE AS A MONUMENT OF CULTURAL HERITAGE

Soviet architecture between 1917—1932 gave us the examples of genuine artistic and engineering design chef-d'oeuvres. The rationalism and constructivism were two main inseparable groups of modernist Soviet architecture. In 1922 leaders of rationalism — Nikolay Ladovskiy, Vladimir Krinskiy and Arthur Loleit founded ASNOVA (Association of New Architects). In 1925 Moisei Ginzburg, Alexander Vesnin, Viktor Vesnin and Ivan Leonidov founded OSA (Association of Contemporary Architects). Both of these organizations created well-known architecture of Soviet avant-garde. Russian civil engineers and architects maintained close comprehensive relations with their western colleagues. "Iron Curtain" became nonviolated border twenty years later. For the whole period of time since October (until 1932), Communist party demanded the collaboration between Soviet, European and American architects. Russian constructivists and Le Corbusier had very close and intensive relations between each other. OSA maintained regular contacts with Bauhaus (especially with Walther Gropius and Hannes Meyer). Their common principles and patterns enriched the architecture of the 20th century round the world. The Constructivist Narkomfin Communal House (Moisei Ginzburg and Ignati Milinis, 1930) from 1931 enhances the dynamism of the building's innovative construction and utopian idealism. While Ginzburg had great success in the mid-1920s, he, along with the experimental architecture of the period, had fallen out of favor by the mid-1930s. Unlike the other examples of the lost vanguard, Narkomfin House isn't ossified in both form and function. However, here the clean lines of the avant-garde are buried and muddled beneath the everyday needs of human inhabitants and the neglect of time. Despite of the foresaid, it remains an enduring symbol of this first epoch of Soviet history.

вания)» [2] анализируются как сами основополагающие концепции эпохи авангарда, так и полемическая борьба вокруг них. В целом ряде его работ рассматриваются особенности творчества выдающихся конструктивистов: И.И. Леонидова [3], М.Я. Гинзбурга [4], А.А. Веснина [5]. Под своеобразным углом исследует советскую архитектуру и градостроительство данного периода Ю.Л. Косенкова [6, 7]. Исчерпывающая характеристика московским памятникам эпохи авангарда дана в книге Т.А. Молоковой и В.П. Фролова [8]. В последние годы за рубежом также продолжают появляться работы, посвященные как анализу советской архитектуры 1920—1930-х гг. в целом, так и творчеству отдельных ее представителей [9—11].

Отечественная архитектура эпохи советского авангарда в своих различных вариациях (рационализм, «пролетарская классика», конструктивизм) не случайно выдвинулась на передовые позиции в мире. Это было обусловлено объективными социально-экономическими, политическими и духовными факторами. А.В. Иконников подчеркивал, что «...российский конструктивизм превзошел архитектуру западноевропейского авангарда (в частности, наиболее близкий к нему Баухауз гروпиусовского периода) как глубиной художественного осмысления конструктивного начала, так и сценографической организованностью социально-функциональных структур» [12].

Программным произведением лидера советских конструктивистов М.Я. Гинзбурга стал дом Наркомфина на Новинском бульваре в Москве — это один из наиболее известных памятников так называемой «архитектуры наркоматов». Крупные для своего

Key words: architectural avant-garde, constructivism, military communism, rationalism, "proletarian classics", OSA (Association of Contemporary Architects), ASNOVA (Association of new architects), NEP (New Economic Policy).

At the beginning of the twenty first century, the theory and practice of the Soviet architectural avant-garde became again the focus of close scientific attention. S.O. Khan-Magomedov was the one, who has explored the problem long and successfully. In his fundamental works "Rationalism — "formalism" [1] and "Suprematism and architecture (forming problems)" [2] he analyzed both fundamental concepts of vanguard era, and disputes on them. In a number of his works the author regards creativity features of outstanding constructivists: I.I. Leonidova [3], M.Ya. Ginzburg [4], A.A. Vesnina [5]. Yu.L. Kosenkova explores the Soviet architecture and town planning of this period from her own angle [6, 7]. T.A. Molokova and V.P. Frolov in their book adequately characterize Moscow monuments of Avant-garde era [8]. In recent years abroad there appear books devoted to the analysis of the Soviet architecture of the 1920—1930th as a whole, and to the activity of some of its representatives [9—11].

It is not by chance, that domestic architecture of the Soviet avant-garde era in its variations (rationalism, "proletarian classics", constructivism) moved to the leading positions in the world. It was caused by various objective social and economic, political and spiritual factors. A.V. Ikonnikov emphasized "... the Russian constructivism left behind the architecture of West European vanguard (in particular, the closest to it, Bauhaus of Walter Gropius period) both in art conceptualization of constructive element, and scenographic organization of social and functional structures" [12].

времени сооружения создавались под влиянием целого комплекса принципиально новых идей. Это касалось и формообразования, и конструктивной основы, и функциональной составляющей. Говоря о проблемах современной ему архитектуры, М.Я. Гинзбург отмечал: «Имея дело с прозаическими сторонами жизни, приближаясь к мастеру и конструктору, архитектор неизбежно должен заразиться от них их методом работы... Архитектор почувствует тогда себя не декоратором жизни, а ее организатором» [13]. В доме Наркомфина присутствует зримое, материальное воплощение конкретно-исторических концепций, определивших жизнь нашего общества на длительную перспективу. Понять и оценить значение всего комплекса дома Наркомфина можно лишь соотнеся его композицию и внутреннюю структуру с духом эпохи (рис. 1).

Narkomfin house at Novinskiy Boulevard in Moscow became the program work of the leading Soviet constructivists M.Ya. Ginzburg as one of the famous monuments of so-called "architecture of narcomats". Large constructions for its time were made under the influence of the whole set of new ideas. It concerned forming, constructive basis and a functional component. M.Ya. Ginzburg told about architectural problems of his time: "Dealing with prosaic aspects of life, getting nearer to the master and the designer, the architect inevitably has to catch from them their method of working... Then the architect will feel as not the decorator of life, but its organizer" [13]. Narkomfin house embodies visibly and materially concrete historical conceptions, which have defined the life of our society for a long period. In is only possible to understand and value Narkomfin house with the correlation of its composition, internal structure and time spirit (fig. 1).

Рис. 1. Восточный фасад дома Наркомфина (первоначальный вид). Режим доступа: https://pastvu.com/_p/d/4/3/8/438e5e3f51427cfbe21f78c6f03fdb25.jpg

Fig. 1. East façade of Narkomfin house (original form). Available at: https://pastvu.com/_p/d/4/3/8/438e5e3f51427cfbe21f78c6f03fdb25.jpg

Основополагающим социальным принципом на протяжении всей советской истории был коллективизм во всех его проявлениях. Применительно к жилищному строительству коллек-

The collectivism in all its manifestations was the fundamental social principle throughout all the Soviet history. In relation to housing construction, principles of collectivism were differently

тивистские принципы по-разному трактовались на различных исторических этапах. Так, в первые годы советской власти (особенно в ходе гражданской войны) считалось вполне возможным и необходимым немедленно реализовать уравнилельные подходы к распределению жилого фонда. В эпоху военного коммунизма наиболее перспективной и во всех отношениях обоснованной жилой единицей считался дом-коммуна. Такие бытовые рабочие коммуны стали создаваться (зачастую стихийно) в экспроприированных у прежних владельцев доходных домов и городских усадьбах. Как правило, дом-коммуна учреждался работниками одного предприятия, сплоченными как производственным процессом, так и совместным участием в перипетиях политической борьбы. Сам уклад жизни в этих домах предусматривал полное обобществление всей социально-бытовой сферы. Партийное руководство на VIII съезде РКП(б) официально провозгласило в программе, принятой съездом, необходимость создания в масштабе всей страны системы коммун, включавших в себя всю структуру распределения и коммунально-бытового обслуживания.

Раздел программы «О задачах партии в области жилищного вопроса» не оставлял никаких сомнений в том, что стратегический план построения нового общества ориентирован на ценности общественного труда и жизни в коллективе [14]. Однако после окончания гражданской войны и с переходом к НЭПу многие аксиомы эпохи военного коммунизма уже не казались абсолютно неоспоримыми. Дома-коммуны проектируются, но только для определенных социальных групп (студентов, рабочих ударных строек, горняков на отдаленных месторождениях). В целом при НЭПе стремились совместить частную инициативу и предприимчивость с решением общегосударственных задач. Аналогичным образом в области жилищ-

reated at various historical stages. Thus, during the first years of the Soviet government (especially during the Civil War), immediate implementation of leveling approaches to distribution of housing stock was thought possible and necessary. During military communism, one of the most perspective and reasonable in every respect was commune house. Such residential-grade working communes were first created (often spontaneously) in commercial apartment buildings expropriated from former owners and city estates. As a rule, the employees of the same enterprise oriented productively and politically established the house commune. The very style of life in these houses provided full nationalization of the whole social sphere. The party management at the VIII congress of RCP (Russian Communist Party) officially proclaimed in their program accepted by congress the necessity of commune system creation allover the whole country including distribution structure and household service.

The section of the program "About Problems of Party in the field of Housing Question" didn't leave any doubts that the strategic plan of creation of new society is focused on values of social activities and life in collective [14]. However, after the end of the Civil War and with transition to the New Economic Policy, many axioms of military communism period didn't seem absolutely indisputable any more. Houses-communes were designed only for certain social groups (students, shock-work construction workers, miners on the remote fields). As a whole, during the New Economic

ного строительства предстояло обеспечить совмещение коллективистских начал с элементами традиционного индивидуального семейного уклада жизни. Проект дома Наркомфина предлагал возможность практического решения такой задачи.

Также на протяжении всего послеоктябрьского пятнадцатилетия программной целью являлось формирование принципиально нового социалистического быта. Цель масштабная и многоплановая. Ее важной составляющей считалось, например, «раскрепощение» женщин. Лозунг «Вырвем женщину из домашнего рабства!» предполагал, что мир женщины в новых советских реалиях не должен ограничиваться лишь стиркой, глажкой, готовкой и присмотром за детьми. Признавалось абсолютно необходимым вовлечение женщин в общественное производство, политику, социокультурную жизнь. Создаваемые на местах женсоветы должны были способствовать получению женщинами образования, обеспечивать их профессиональный карьерный рост и продвижение по общественно-политической линии.

Разработанный М.Я. Гинзбургом и И.Ф. Милинисом проект дома Наркомфина (и аналогичные ему проекты других «домов с обслуживанием») как многофункциональный комплекс должен был способствовать достижению этих целей. Сама структура комплекса, включала помимо жилого дома еще и объекты «соцкультбыта» — прачечную, сушильную, столовую с общественной кухней. Предполагались также библиотека, кинозал, спортзал и детский блок. Наличие подобных объектов в доме Наркомфина позволило бы максимально разгрузить женщин.

Не менее важной, чем женский вопрос, считалась задача воспитания первого поколения молодых советских граждан. Несмотря на звучащую время от времени с высоких трибун критику «левацких загибов» в семейном вопросе и отказ от принципов «казарменного» военного ком-

Policy private initiative and go-go spirit was combined with the solution of nation-wide tasks. Similarly in the field of housing construction it was necessary to provide combination of the collectivist beginnings with patterns of family life. The project of Narkomfin house offered possibility of the practical solution of such task.

During the fifteen years after the October revolution the program purpose was formation of essentially new social life. The purpose was large-scale and multidimensional. "Liberation" of women was considered as its important component, for example. The slogan "We will pull out the woman from house slavery!" assumed that the woman's world in new Soviet realities shouldn't be limited only to washing, ironing, cooking and baby sitting. Involvement of women in a social production, policy, social and cultural life was admitted absolutely necessary. Women's councils created at the spots had to promote women's education, providing their professional and political career growth.

The project of Narkomfin house developed by M.Ya. Ginzburg and I.F. Milinis (and projects of other "houses with service" similar to it) as a multipurpose complex had to facilitate the achievement of these purposes. The complex structure, included besides a house, the objects of "social and cultural life" — a laundry, a hothouse, a dining room with public kitchen. The library, cinema hall, the sports hall and the children's block were also assumed. Existence of similar objects in Narkomfin house would allow to unload women as much as possible.

мунизма, дело воспитания детей казалось слишком серьезным и важным, чтобы всецело доверить его родителям. В двадцатых годах еще звучали ультрареволюционные требования передать дело воспитания нового поколения в руки специально подготовленных людей. Родителей, сформировавшихся как личности в «эксплуататорском прошлом» и несущих на себе «родимые пятна» этого прошлого, от участия в воспитательном процессе предполагалось отлучить.

Проект дома Наркомфина обеспечивал некий компромисс между радикальным наследием эпохи военного коммунизма и традиционными семейными ценностями. М.Я. Гинзбург запланировал создание отдельно стоящего здания детского блока, в котором с подрастающим поколением работали бы упомянутые «специалисты», но при этом сохранялась бы возможность свободного ежедневного общения детей со своими родителями.

Хотя и не реализованный в полном объеме замысел дома Наркомфина дает хорошую возможность использовать существующий и поныне памятник ранней советской архитектуры в качестве наглядного пособия в преподавании курсов дисциплин «История», «Культурология», «История архитектуры и строительной техники». Такая возможность обусловлена несколькими важными обстоятельствами:

1) существует прямая и непосредственная связь объекта с жизнью и деятельностью выдающихся исторических персонажей (Григорий Сокольников, Николай Милютин, Моисей Гинзбург, Александр Дейнека, Николай Семашко, Левон Орбели и др.);

2) дом Наркомфина — яркая иллюстрация к социокультурным реалиям послереволюционного периода: как минимум — это пример эволюции существовавших тогда представлений о наиболее предпочтительных формах расселения (переход от идеи дома-коммуны к так на-

The problem of education of the first generation of young Soviet citizens was of no less importance. Despite criticism sounding from time to time from high tribunes of "leftist bends" (representatives of left-wing parties) of a family question and refusal of the principles of "barracks" military communism, the question of children's education seemed too serious and important to entrust it to parents. In the twenties there sounded still ultra revolutionary requirements to submit the education of new generation to the hands of specially prepared people. The parents risen in "the exploiter past" and bearing "birthmarks" of this past were supposed to be separated from educational process.

Narkomfin house project provided a certain compromise between radical heritage of military communism era and traditional family values. M.Ya. Ginzburg planned creation of a separate building for children in which the above mentioned "experts" would work with younger generation. The possibility of free daily communication among children and their parents would also remain:

1. there is a direct and natural relation of an object with life and activity of outstanding historical characters (Grigory Sokolnikov, Nikolay Milyutin, Moisei Ginzburg, Alexander Deyneka, Nikolay Semashko, Levon Orbeli and others);

2. Narkomfin's house is a bright illustration to social and cultural realities of the post-revolutionary period: at least — it is an example of evolution of representations existing at that time about the most preferable forms of moving (tran-

зываемым «домам переходного типа» или «домам с обслуживанием»). Принципы такого жилища были намечены еще в конкурсе на проект дома для трудящихся, который в 1926—1927 гг. провели члены ОСА. Различные подходы, воплощенные в представленных проектах, объединяла идея свободного выбора самой формы жизненного уклада (либо привычного индивидуального быта с частичным подключением к системам общественного обслуживания, либо полностью коллективизированного и обобществленного быта);

3) комплекс дома Наркомфина является образцом и очевидным результатом творческого сотрудничества отечественных и зарубежных архитекторов (что в конце 1920-х гг. не только допускалось, но и поощрялось властью). Так в апреле 1929 г. на XVI партконференции принимается первый пятилетний план развития народного хозяйства СССР. На открытии конференции председатель Совнаркома А.И. Рыков сетовал на кадровый голод, на острейшую нехватку специалистов (особенно инженеров высшей квалификации и архитекторов-градостроителей). Глава советского правительства прямо отмечал: «... мы оказались тут слабы как дети. Сделать многое, опираясь только на наши наличные кадры, мы едва ли сможем. А за границей эта отрасль, несмотря на все помехи, которые связаны там с частнособственническим укладом хозяйственной жизни, развивается исключительно быстро». Далее, Рыков сделал логичный вывод: «Если мы теперь употребляем большие усилия для освоения западноевропейской и американской техники, то использование заграничного научно-технического опыта должно достигнуть... неизмеримо больших масштабов. Но, когда мы замыслиаем произвести переворот в нашей технике, такие меры, как приглашение одной-двух сотен иностранных специалистов, не могут разрешить вопроса» [15].

sition from the idea of a commune house to the so-called "houses of transitional type" or "to houses with service"). The principles of such dwelling were planned during the competition for the house project for workers which in 1926—1927 was carried out by members of the OSA. Various approaches embodied in the presented projects were united in the idea of the free choice of lifestyle (or a habitual individual life united with partial connection to systems of public service, or completely collectivized and socialized life);

3. Narkomfin complex is a sample and obvious result of creative cooperation of domestic and foreign architects (which in the late twenties was not only allowed, but even encouraged by the authorities). So, in April, 1929 at the 16th party conference the first five-year development plan of the USSR national economy was accepted. At the opening ceremony the Chairman of Council of People's Commissars A.I. Rykov complained about personnel hunger, about the sharpest shortage of experts (especially high qualified engineers and town architects). The head of the Soviet government directly noted: "... we are weak as children in that. Trusting only our personnel, we won't be able to make a lot of things. And abroad this branch, despite all hindrances, connected with private-ownership way of economy, develops very quickly". Further, Rykov drew a logical conclusion: "If we use now big efforts for the development of West European and American equipment, then we must use foreign scientific and technical experience on much bigger scales. But, when we plan to make revolu-

Смелые идеи, реализованные в доме Наркомфина, перекликаются с подходами, осуществленными Ле Корбюзье в проекте дома Центросоюза на Мясницкой улице в Москве. Это естественно и неизбежно, учитывая близкое знакомство авторов обеих построек друг с другом, и единство их исходных позиций.

К сожалению, значительная часть комплекса Наркомфина с самого начала использовалась не по прямому назначению, а некоторые его элементы (детский блок) вовсе не были построены. Самочинные переделки сильно изменили большую часть внутреннего пространства жилого корпуса, что, впрочем, не особенно сказалось на его внешнем облике. Гораздо больший урон причинило вынужденное использование дешевых и недолговечных материалов (зачастую — эрзацев). Сетования М.Я. Гинзбурга на низкое качество таких материалов и объективный анализ ситуации привели к некоторым положительным изменениям. В 1931 г. президиум Моссовета провел расширенное заседание с участием архитекторов, где во весь рост встал вопрос о строительных материалах. Принимается постановление о скорейшем расширении старых и вводе в строй новых предприятий по производству кирпича, металлических труб, «шлакобетонных камней» и т.д. На эти цели было ассигновано около 60 млн р. [16].

В значительной степени своим нынешним печальным состоянием дом Наркомфина обязан явно неудовлетворительной эксплуатации здания. Халатное отношение к дому на протяжении длительного периода времени было предопределено сменой ориентиров, с которой столкнулись советские архитекторы в начале тридцатых годов. Руководство страны призвало их «творчески осваивать классическое наследие прошлого». В свете новых требований только что построенный и заселенный дом Наркомфина оказался вне магистрального пути развития советской архитектуры. Новостройка

tion in our equipment, such measures as the invitation of one or two hundred foreign experts, can't resolve a question" [15].

The daring ideas, realized in Narkomfin house, have something in common with the approaches, which have been carried out by Le Corbusier in the project of Tsentrosoyuz house on Myasnitskaya Street in Moscow. It is natural and inevitable, considering a close acquaintance of the authors of both constructions and unity of their initial positions.

Unfortunately, the considerable part of Narkomfin complex was used as intended from the very beginning, and some of its elements (the children's block) weren't constructed at all. Illegal alterations strongly changed the most part of internal space of the building that, however, didn't strongly affect its appearance. The much bigger loss was caused by compelled use of cheap and short-lived materials (often — substitute materials). M. Ya. Ginzburg's complaints about poor quality of such materials and objective analysis of the situation led to some positive changes. In 1931 the Presidium of Moscow Council held enlarged meeting with participation of architects where the question of construction materials was strongly discussed. It was decided to expand as fast as possible old enterprises and put into operation the new ones for production of brick, metal pipes, cinder concrete brick etc. About 60 million rubles [16] were assigned for that purpose.

Substantially Narkomfin house is obliged by the present sad state to obviously unsatisfactory operation of the building. Negligent attitude to the house throughout the long period was predetermined by change of reference points the Soviet architects faced in the early thirties. The country leaders urged them "to master creatively

М.Я. Гинзбурга отныне воспринималась как образец «идеологически вредного формализма».

Несмотря на изменившиеся условия работы, М.Я. Гинзбург и С.А. Лисагор успели возвести в тогдашнем московском предместье Ростокино еще один дом «переходного типа», подобный комплексу Наркомфина. Второй проект с самого начала предполагал некоторое упрощение, поскольку предназначался не для сотрудников наркомата (министерства), а для рабочих московского пригорода. Даже при неполной реализации проекта и последующих изменениях в нем, ростокинский вариант «дома переходного типа» сохранился гораздо лучше дома Наркомфина. Каждый, кто направляется в МГСУ от метро «ВДНХ», неминуемо проезжает мимо этого «младшего собрата» комплекса Наркомфина. Опыт проектирования и строительства домов «с обслуживанием» М.Я. Гинзбург обобщил и подытожил в ряде статей и книге «Жилище» (1934 г.). Автор отмечал, что «во всех этапах нашей работы мы стремились ставить ее архитектурно, в том понимании этого слова, которое кажется нам наиболее правильным, т.е. во взаимодействии социальных, технических и художественных проблем» [13].

Смелый эксперимент, связанный с проектированием и строительством дома Наркомфина, заслуживает пристального внимания и заботы о сохранении реально воплощенного образца советского архитектурного авангарда. Между тем признаки обветшания постройки отчетливо проявились уже в 1950-х гг. В 1987 г. жилой и коммунальный корпуса дома Наркомфина были признаны памятниками архитектуры регионального значения, однако именно в этот период задуманное автором свободное пространство между опорными колоннами первого этажа было застроено, что существенно исказило

classical heritage of the past". In the light of new requirements Narkomfin house built not long ago and occupied appeared out of the main way of development of the Soviet architecture. M.Ya. Ginzburg's new building was from now on perceived as a sample of "ideologically harmful formalism".

That time, despite the changed working conditions, M.Ya. Ginzburg and S.A. Lisagor managed to build one more house of "transitional type", similar to Narkomfin complex in Rostokino (Moscow suburb). The second project from the very beginning assumed some simplification as it was intended not for narcomat (ministry) employees but for workers of Moscow suburbs. In spite of incomplete implementation of the project and the subsequent changes in it, "Rostokinsky" option of "the house of transitional type" remained much better than Narkomfin house. Everyone who goes to MGSU from the VDNH subway station, inevitably meets its "younger colleague" Narkomfin complex. M.Ya. Ginzburg generalized the experience of design and construction of houses "with additional service" and summed it up in a number of articles and the book "Dwelling" (1934). The author noted that "in all stages of our work we sought to put it architecturally, in the most correct understanding of this word from our point of view, i.e. interaction of social, technical and art problems" [13].

The courageous experiment connected with design and construction of Narkomfin house, deserves close attention and care as an incarnate example of the Soviet architectural avant-garde. Meanwhile, signs of a dilapidation of construction were obvious in the 1950th. In 1987 inhabited and municipal buildings of Narkomfin were recognized as architectural monuments of regional importance, however, during this period the free space conceived by the author between basic columns of the first floor

облик здания. В 2002 г. недостроенный хозяйственный корпус (прачечная и сушильня) получил статус вновь выявленного объекта культурного наследия. Несмотря на все перечисленные обстоятельства, процесс разрушения дома Наркомфина пока не остановлен (рис. 2).

was built up that significantly distorted shape of the building. In 2002 the unfinished economic case (a laundry and a hothouse) received the status of again revealed object of a cultural heritage. Despite all the mentioned circumstances, the process of Narkomfin house destruction isn't yet stopped (fig. 2).

Рис. 2. Восточный фасад дома Наркомфина (современное состояние). Режим доступа: http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Narkomfin_Building_Moscow_2007_01.jpg

Fig. 2. Eastern façade of Narkomfin house (present view). Available at: http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Narkomfin_Building_Moscow_2007_01.jpg

Библиографический список

1. Хан-Магомедов С.О. Рационализм — «формализм». М. : Архитектура-С, 2007. 496 с.
2. Хан-Магомедов С.О. Супрематизм и архитектура (проблемы формообразования). М. : Архитектура-С, 2007. 520 с.
3. Хан-Магомедов С.О. Иван Леонидов. М. : Фонд «Русский авангард», 2009. 368 с.
4. Хан-Магомедов С.О. Моисей Гинзбург. М. : Архитектура-С, 2007. 136 с.
5. Хан-Магомедов С.О. Александр Веснин и конструктивизм. М. : Архитектура-С, 2007. 412 с.
6. Косенкова Ю.Л. Опыт формирования правовой основы советского градостроительства. 1920—1930-е гг. // Градостроительное искусство. Новые материалы и исследования : сб. науч. трудов НИИТИАГ РААСН. М. : УРСС, 2010. С. 335—351.
7. Косенкова Ю.Л. Районная планировка в СССР : Опыт 1920—1930-х годов // Архитектурное наследство. Вып. 55. М. : Красанд, 2011. С. 353—372.

References

1. Khan-Magomedov S.O. *Ratsionalizm — "formalizm"* [The Rationalism — "Formalism"]. Moscow, 2007, 496 p.
2. Khan-Magomedov S.O. *Suprematism i arkhitektura (problemi formoobrazovaniya)* [Suprematism and Architecture (the Problems of Shaping)]. Moscow, 2007, 520 p.
3. Khan-Magomedov S.O. *Ivan Leonidov* [Ivan Leonidov]. Moscow, 2009, 368 p.
4. Khan-Magomedov S.O. *Moisey Ginzburg*. Moscow, 2007, 136 p.
5. Khan-Magomedov S.O. *Aleksandr Vesnin i konstruktivizm* [Alexander Vesnin and the Constructivism]. Moscow, 2007, 412 p.
6. Kosenkova Y.L. Opyt formirovaniya pravovoy osnovy sovetskogo gradostroitel'stva. 1920—1930-e gg. [The Experience of the Legal Basis of Soviet Civil Engineering Formation. 1920—1930s]. *Gradostroitel'noe iskusstvo. Novye materialy i issledovaniya* [Town Planning Art. New Materials and Researches]. Moscow, 2010, pp. 335—351.

8. Молокова Т.А., Фролов В.П. Памятники культуры Москвы: из прошлого в будущее. 2-е изд., испр. и доп. М. : Изд-во АСВ, 2010. 168 с.

9. Ginés Garrido. Moisei Ginzburg. Escritos 1923—1930. Madrid: El Croquis editorial, 2007.

10. John W. Maerhofer. Rethinking the vanguard: aesthetic and political positions in the modernist debate, 1917—1962. Cambridge Scholars Pub., 2009. 215 p.

11. Klaus von Beyme. Das Zeitalter der Avantgarden: Kunst und Gesellschaft 1905—1955. C.H. Beck. 2005. 995 p.

12. Иконников А.В. Утопическое мышление и архитектура. М. : Архитектура-С, 2004. С. 333.

13. Хан-Магомедов С.О. М.Я. Гинзбург // Зодчие Москвы. XX век / ред. М.И. Астафьева-Длугач, Ю.П. Волчок, А.Н. Журав-лев. Кн. 2. М. : Московский рабочий, 1988. С. 218, 220.

14. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. I : 1898—1925. М. : Госполитиздат, 1953. С. 426.

15. XVI конференция ВКП(б). Стенографический отчет. М. : Госполитиздат, 1962. С. 14—15.

16. Алещенко Н.М. Москва в планах развития и реконструкции : 1918—1985. М. : Издательство Главного архивного управления города Москвы, 2009. С. 50.

Поступила в редакцию в мае 2014 г.

Об авторе: **Гацунаев Константин Николаевич** — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории и культурологии, **Московский государственный строительный университет (ФГБОУ ВПО «МГСУ»)**, 129337, г. Москва, Ярославское шоссе, д. 26, 8 (499) 183-21-29, gatsunaev58@mail.ru.

Для цитирования: *Гацунаев К.Н.* Дом Наркомфина как объект культурного наследия // Вестник МГСУ. 2014. № 7. С. 7—17.

7. Kosenkova Y.L. Rayonnaya planirovka v SSSR. Opyt 1920—1930-kh godov [Regional Planning in the USSR. The Experience of 1920—1930s.]. *Arhitekturnoe nasledstvo* [Architectural Heritage]. Moscow, 2011, pp. 353—372.

8. Molokova T.A., Frolov V.P. *Pamyatniki kul'tury Moskvy: iz proshlogo v budushchee* [Moscow Cultural Monuments: from the Past to the Future]. Moscow, 2010, 168 p.

9. Ginés Garrido. Moisei Ginzburg. Escritos 1923—1930. Madrid: El Croquis editorial, 2007.

10. John W. Maerhofer. Rethinking the Vanguard: Aesthetic and Political Positions in the Modernist Debate, 1917—1962. Cambridge Scholars Publ., 2009, 215 p.

11. Klaus von Beyme. Das Zeitalter der Avantgarden: Kunst und Gesellschaft 1905—1955. C.H. Beck, 2005, 995 p.

12. Ikonnikov A.V. *Utopicheskoe myshlenie i arkhitektura* [Utopian Thinking and Architecture]. Moscow, 2004, 333 p.

13. Han-Magomedov S.O. M.Ya. Ginzburg. *Zodchie Moskvi* [Moscow Architects]. Moscow, 1988, pp. 218, 220.

14. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. I : 1898—1925 [CPSU in Resolutions and Decisions of Congresses, Conferences and CC Plenums. Part I: 1898—1925]. Moscow. Gospolitizdat Publ., 1953, 426 p.

15. XVI konferentsiya VKP(b) [XVI Conference of All-Russian Communist Party (Bolshevik's)]. *Stenograficheskiy otchet* [Stenographic report]. Moscow, 1962, pp. 14—15.

16. Aleshchenko N.M. *Moskva v planah razvitiya i rekonstruktsii. 1918—1985* [Moscow in the Development and Reconstruction Plans. 1918—1985]. Moscow, 2009, 50 p.

About the author: **Gatsunaev Konstantin Nikolaevich** — Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of History and Culturology, **Moscow State University of Civil Engineering (MGSU)**, 26 Yaroslavskoe shosse, Moscow, 129337, Russian Federation; gatsunaev58@mail.ru.

For citation: *Gatsunaev K.N.* Dom Nar-komfina kak ob"ekt kul'turnogo naslediya [Nar-komfin House as a Monument of Cultural Heritage]. *Vestnik MGSU*. [Proceedings of Moscow State University of Civil Engineering]. 2014, no. 7, pp. 7—17.